

Система невозмутимо ответила: — Могу.

Линь Ци обрадовался: — Что они поют?

Система: — Примерная суть такая: о морской бог, хотя нынешняя невеста и малёнько страшненькая, но Ци облаков и заката на её теле переполнена, так что бери что дают и не жалуйся, только сделай милость, одари нас побольше детьми.

Линь Ци: —Уж лучше бы я ничего не понимал.

Под раскатывающееся повсюду пение туман забурлил ещё быстрее. То ли Линь Ци показалось, но он ощутил, что поднимается всё выше и выше, а обзор становится всё шире.

Вскоре он понял, что ему вовсе не показалось: распеваящие песни цзяожэнь начали медленно соскальзывать и падать в море, и лишь участок суши, на котором он лежал, рос и выдавался вперёд.

До слуха донёсся долгий и глухой раскат, похожий на раскат грома, и «земля» под Линь Ци резко взметнулась вверх. Все цзяожэнь попадали в море, словно пельмени в кипяток, и, прижавшись к огромным рыбам с чёрными глазами, благоговейно усталились на залитую лунным светом алую фигуру.

Только тут Линь Ци заметил, что «земля», на которой он лежал, на ощупь точно такая же, как та огромная рыба, что привезла его сюда. Это была исполинская рыба, способная вместить целый город.

Яркий лунный свет упал ему на лицо. Линь Ци затрепетал и тихо произвел: — Система, я в туалет хочу.

Система: —Ты не в туалет хочешь, ты рожать собрался.

Линь Ци: — !!! — В-всё кончено.

Жар с лица волной прокатился по всему телу. Линь Ци раскалился так, что был готов расплакаться, а тело стало мягким и ватным, совсем не слушаясь. Впрочем, так было даже лучше: сумеет он сейчас пошевелиться, неизвестно, что бы он вытворял на спине рыбы.

Линь Ци: — Система, я больше не могу, слишком жарко, я почти сварился.

Система: — — Он впервые слышал, чтобы Координатор так описывал собственные ощущения, и бесстрастно бросил: — Я уйду в глухую защиту, разбирайся сам.

Линь Ци: —

В час испытаний от него отреклась даже Система. Линь Ци действительно вопил к небесам, но небеса не отзывались, взывал к земле, но земля не внимала. Втягиваемый внутрь туман пламенем сжигал его внутренности, не оставалось сил даже для того, чтобы приоткрыть рот. На глазах против воли выступила влага, губы чуть задрожали. Он хотел позвать Ду Чэньина, но то единственное слово, что он из последних сил попытался выкрикнуть, затерялось в тишине и беззвучно рухнуло в морскую пучину — он даже сам себя не услышал.

Племена цзяожэнь, взявшись за руки, с трепетом и замиранием сердца ждали.

Цзяожэнь были неспособны к деторождению, и новое поколение каждого их рода могло

появиться на свет лишь по милости морского бога. Невестой, подносимой морскому богу, непременно должна была стать самая красивая представительница цзяожэнь с самым чарующим голосом; на неё надевали свадебный наряд, сотканный из небесных лучей заката, и родовая рыба возносила её в ночное небо.

Но этот злодей из мира совершенствующихся без лишних слов похитил их Закат, который они упорно ткали три года. Сколько цзяожэнь, проливая слёзы, тайком срывали лучи заката уходящего солнца и, не дождавшись круговорота перерождений, обращались рыбами! Лишиться того, что было добыто таким трудом, казалось им невыносимо обидно.

К счастью... К счастью, тот злодей не присвоил Закат себе.

Луна, похожая на серебряное блюдо, постепенно клонилась к закату. В чёрных глазах цзяожэнь сияло ожидание прихода морского бога.

— Почему мне так холодно? — шепнул Юэ Дин, притягивая к себе Юэ Ланя.

На самом деле Юэ Лань тоже мёрз, его зубы почти стучали, но в столь священный момент жертвоприношения морскому богу ему было стыдно в этом признаться, поэтому он тоже опустил голову и ответил: — Я тоже чувствую холод, вода словно ледяная.

Восприятие воды у цзяожэнь устроено иначе: море должно казаться им тёплым, словно материнские объятия.

Всё больше цзяожэнь ощущали холод, они не могли унять дрожь. Эта дрожь передавалась по соединенным рукам, и даже те, кто раньше был цзяожэнь, а ныне превратился в огромную рыбу, невольно испускали жалобные звуки.

Ещё сильнее цзяожэнь пугал тот факт, что дрожала и родовая рыба.

Морская гладь пошла рябью. Зубы Юэ Дина легонько стучали друг о друга, и от холода он едва ворочал языком: — Ч-что эт-то т-такое?

Лежавший на большой рыбе Линь Ци не мёрз — он раскалился до такой степени, что от него едва ли не шёл дым. По его щекам катились две дорожки слёз, сознание затуманилось, губы беззвучно шевелились, повторяя имя того единственного, на кого он мог положиться и кому доверял.

В этот момент по щеке повеяло прохладой, и чья-то тёплая и крепкая ладонь обхватила его за плечи, вытаскивая с влажной и скользкой рыбьей спины. Линь Ци всё ещё не мог разлепить веки, но уловил запах — запах Ду Чэнъина, такой успокаивающий. Он облегченно закрыл глаза, судорожно вцепился в его одежду и испуганно пролепетал: — Ду Чэнъин, я... я рожаю...

Ду Чэнъин опустил взгляд на скованных морозом цзяожэнь и равнодушно произнес: — Нет.

Водный цилинь оскалил зубы на большую рыбу, и та мгновенно ушла на морское дно.

Цзяожэнь были скованы холодом, но сознание их оставалось ясным. Они воочию наблюдали, как их родовая рыба погружается в пучину, а Ду Чэнъин, прижимая к груди бредящего Линь Ци, изящно опускается на ледяную корку морской поверхности.

В чёрных глазах цзяожэнь отразился ужас.

Только теперь они поняли, что этот грозный заклинатель до сей поры даже не демонстрировал им свою истинную силу. Смертельный холод сжал им горло.

Не сказав ни слова, Ду Чэнъин развернулся и ушёл вместе с Линь Ци. Черношёрстный водный цилинь последовал за ним, на ходу обернувшись к застывшим в ледяном панцире цзяожэнь и осквернив лица ухмылкой.

Линь Ци не успел толком остыть, как его снова бросило в жар. Он принялся беспокойно вертеться и тереться о грудь Ду Чэнъина, не находя себе места. Ду Чэнъин тихо утешил его: — Потерпи ещё немного.

Водный цилинь снова выдохнул струю Ци Желтого Источника, и выражение лица Линь Ци наконец смягчилось.

Ду Чэнъин был словно из дерева, его трясло даже тогда, когда они ступили на твердую землю. Страх снова потерять Линь Ци терзал его так жестоко, что душа едва не покидала тело. Ноги подкосились, и он рухнул на одно колено. Алый свадебный наряд разметался по земле. Линь Ци медленно открыл глаза, его верхние и нижние ресницы слиплись от тяжести, и он мог разглядеть лишь смутные очертания лица Ду Чэнъина, не замечая выражения его лица. У него не было сил поднять руку, и он лишь с трудом пробормотал, пытаясь успокоить спутника: — Я в порядке.

Хлюп...

Горячая капля упала ему на щеку.

Линь Ци остолбенел и распахнул глаза до предела. Выражение лица Ду Чэнъина можно было описать лишь словами «сердце остыло, пепел погас». Слеза, сорвавшаяся с его левого глаза, казалось, упала бессознательно. Он прижимал к себе Линь Ци, его руки дрожали, а душа витала где-то далеко.

Линь Ци собрал последние силы и стукнулся лбом о грудь Ду Чэнъина. Размеренное движение грудной клетки наконец заставило Ду Чэнъина опустить голову. От этого толчка Линь Ци снова охватил жар, и в глазах вновь зашипало от влаги: — Ду Чэнъин... посмотри на меня...

Ду Чэнъин оцепенело глядел на него и наконец приподнял руку, бережно прикоснувшись ладонью к пылающей щеке Линь Ци. На губах его затрепетал шёпот: — Шисюн, ты вернулся.

У Линь Ци совсем не осталось сил на долгие уговоры и объяснения, и он слегка потянул его за воротник: — Наклонись.

Жгучие губы соприкоснулись. Линь Ци мгновенно почувствовал, что жар усилился вдвое, однако в конечностях забрезжила робкая сила. Он закинул руки на плечи Ду Чэнъина и притянул его в страстном поцелуе.

Лунный свет, словно полотно белого шёлка, падал на алый свадебный наряд, переливаясь красками небесной зари. Губы приоткрывались, увлажняясь от жадных касаний. Они прижимались друг к другу всё ближе, и страх рассеивался в разгорающемся с каждой секундой поцелуе. Линь Ци казалось, что он обладает невероятной силой: он резким движением повалил Ду Чэнъина на спину, уселся на него верхом, вцепился в воротник и упор впился взглядом в его лицо. Глядя на разбитые губы Ду Чэнъина под сиянием луны, он сглотнул слюну и выдохнул: — Ду Чэнъин, давай поженимся.

Ду Чэнъин застыл в полном оцепенении. Облаченный в красное Линь Ци пыхал красотой персикового цвета, его чёрные глаза блестели от влаги, а лицо излучало буйную жизнестойкость и молодой задор — словно свирепый юный зверёк, который положил глаз на добычу и готов в любую секунду наброситься, чтобы вырвать у Ду Чэнъина кусок плоти.

Ду Чэнъин зачарованно приподнял руку и нежно коснулся его щеки, но, ощутив дикий жар его кожи, мгновенно пришёл в себя. Он тут же сел и крепко прижал Линь Ци к груди: — Линь Ци, на тебя наложено проклятие.

— Проклятие? — мозг Линь Ци находился на пике возбуждения. Он с силой дёрнул за воротник Ду Чэнъина и запальчиво выпалил: — Плевать мне на всякие проклятия, я хочу жениться на тебе!

Ду Чэнъин поднял его на руки и бросил косой взгляд на водного цилиня, который пытался делать вид, будто ничего не происходит, и прикрывал глаза хвостом. Тот незамедлительно и с поразительным послушанием развернулся, загородив их своей тушей, словно горой, от морского ветра.

Прижимая к себе безумствующего Линь Ци, Ду Чэнъин вошёл в убогую соломенную хижину. Деревянная кровать всё еще стояла наполовину готовой. Опустив Линь Ци на матрас, он попытался отстраниться, но тот вцепился мёртвой хваткой в его кушак. Ду Чэнъин терпеливо проговорил: — Линь Ци, потерпи немного. Как только лунный свет померкнет, заклятие спадет.

— Ду Чэнъин, — лицо Линь Ци тут же скисло, приняв жалобно-плаксивое выражение. — Я тебе больше не нравлюсь?

Ду Чэнъин слегка подался вперёд, и его крупная фигура накрыла Линь Ци с головой, а во взгляде проступила бездна: — Если мы разделим ложе нынче ночью, я боюсь, что после развеивания проклятия ты пожалеешь об этом и возненавидишь меня за то, что я воспользовался твоим беспомощным положением.

— Не пожалею, я уже выбрал тебя раз и навсегда, — без тени сомнения бросил Линь Ци.

Он ответил молниеносно, не задумываясь ни на мгновение и не оставляя Ду Чэнъину ни малейшего шанса на колебания или сомнения.

Ду Чэнъин пристально всматривался в него какое-то время и прочёл в глазах Линь Ци абсолютное доверие и твердую уверенность.

Когда их губы вновь соединились, большая ладонь скользнула к ярко-красному поясу на талии. Широкий кушак, который Линь Ци никак не удавалось распутать, в руках Ду Чэнъина рассыпался за секунду. Тело, закутанное в краски заката, обнажилось. Резкий контраст красного и белого не позволял отвести глаз — его шисюн... оказывается, был так соблазнителен.

На скромной деревянной кровати сплелись два неопытных тела. По белоснежной коже юноши разлился томительный розовый румянец. Тонкие руки легли на его вздымающуюся спину, нетерпеливо оглаживая кожу и издавая манящие звуки. Его соблазнение было неумелым и чистым, он с трудом приподнял носки туфель, пытаясь зацепить того, кто навис над ним, и заставить их тела слиться ещё теснее. — Не спеши, шисюн... — На лбу Ду Чэнъина выступил пот, руки слегка дрожали. Он опустил голову и принялся целовать гладкую кожу Линь Ци, оставляя на ней разномастные следы.

— Ах... — Линь Ци чуть подался вперёд, и в его стоне слышались нотки слёз, словно он с трудом выносил незнакомое наслаждение, сокрытое глубоко внутри и пробуждённое впервые. Даже ощущая сильнейшую спешку, он сдерживался, вцепившись пальцами в руки Ду Чэнъина. Под пальцами ощущались крепкие мышцы, из-за чего самому Линь Ци казалось, будто он в мгновение ока стал необыкновенно мягким — мягким, как растаявшее сахарное повидло, что пролилось на тело Ду Чэнъина, одновременно сладкое и обжигающее.

Лунный свет пробивался сквозь щели в соломенной хижине, падая капля за каплей на Линь Ци и разыгрывая на его покрасневших следах партию в игру по имени вождение.

Всё произошло совершенно внезапно: даже в самых смелых фантазиях Ду Чэнъин не осмеливался вот так вольно и властно обращаться со своим шисюном.

Его шисюн — прямой и честный, а в его тёплой улыбке всегда таилась лёгкая отчужденность. Тот пребывал вовсе не на небесах, а гораздо дальше, в недостижимых для Ду Чэнъина высях. Но сейчас этот человек находился в его объятиях и изо всех сил отвечал на его ласки и поцелуи.

Капли пота стекали по переплетенным шеям мужчин, ярко блестя в полумраке. Линь Ци прикусил мочку уха Ду Чэнъина, до крови впившись зубами, и в полузабытьи выдохнул:

— Шилиди, овладей мной.

Это была самая безумная из всех сновиденных грёз — незрелая и прекрасная, подобно распустившемуся яркому цветку. Впервые оказавшись вместе, они оба растерялись настолько, что даже само начало казалось до крайности непривычным и трудным.

Как же они дошли до этого? С самого начала и по сей день, в прошлой жизни и в нынешней, жажда Ду Чэнъина к человеку перед ним уже въелась в кости и превратилась в одержимость. Неотступное наваждение в сердце заставляло его дрожать от возбуждения, смешанного с трепетной осторожностью: ведь это был его шисюн, возлюбленный, которого он ценил дороже жизни.

Линь Ци опустил голову и прикусил губу, наконец-то вновь обретая чувство стыда. Его дрожащие ресницы плотно сомкнулись, он добровольно закрыл глаза, из-за чего осязание и слух обострились до предела.

Голос Ду Чэнъина звучал гораздо глубже и сдержаннее его собственного. Будто перекатываясь в глубине горла, низкие звуки ударялись о барабанные перепонки Линь Ци, проникали сквозь тонкую преграду прямо внутрь тела и превращались в двусмысленные призывы. Мелкая дрожь мышц передавалась от одного к другому; Линь Ци дрожал, внезапно ощутив лёгкий страх.

— Шисюн, — Ду Чэнъин заметил сопротивление Линь Ци и поцеловал его в мочку уха. — Расслабься, не бойся.

Линь Ци глубоко опустил голову, закусив губу с возрастающей силой. Ощущение было странным и совершенно особенным — совсем как их первая встреча: это не вызывало отторжения, а рождало незнакомую симпатию, которая крепла с каждым мгновением. Линь Ци невольно обхватил ладонями лицо Ду Чэнъина и прижался окровавленными губами к его губам, запечатывая дыхание и дрожь в самом поцелуе.

Его тело, казалось, дало сбой: жар медленно плавил его изнутри наружу. Он напоминал

спеющий фрукт, чья кожица лопнула под натиском сока, и сладкий аромат постепенно разливался вокруг, а застенчивость и страх уступали место жажде неизведанного наслаждения.

Хотелось большего. Рассудок погрузился в пустую дымку, и животное начало вновь захватило верх. Линь Ци уже не удовлетворялся одними поцелуями: скользнув ниже уголков рта Ду Чэнъина, он легко прикусил выступающий кадык на его шее и, подняв затуманенные слезами глаза, безмолвно призвал к продолжению.

В груди Ду Чэнъина полыхал огонь, но он изо всех сил сдерживался, не позволяя пламени уничтожить остатки разума. Его шисюн, его единственное сокровище — он не хотел причинить ему боль.

И хотя Ду Чэнъин действовал предельно нежно, Линь Ци всё равно горько плакал. И вовсе не от боли — он и сам не понимал, почему слёзы льются ручьем.

Его первый раз случился с женщиной из иного мира.

Он хотел скрыться от этого, но так и не смог избежать предначертанного судьбой финала.

После всего два растрёпанных тела тесно прижимались друг к другу. Одной рукой Ду Чэнъин обнимал Линь Ци со спины, а другой отводил со лба его длинные волосы, влажные от пота, и неотрывно смотрел на его мирно спящее лицо.

Лицо Линь Ци зарделось ярко-красным, словно он пропьянствовал всю ночь, а опухшие, разбитые губы выглядели так, будто он обиженно надулся.

Ду Чэнъин невольно улыбнулся уголками губ и склонился, чтобы легко поцеловать Линь Ци в щеку. Теплая и гладкая кожа была столь приятна на ощупь, что Ду Чэнъин не удержался и оставил на ней еще один поцелуй.

От этих легких прикосновений смертельно уставший Линь Ци недовольно пошевелил пальцем. Заметив это маленькое движение, Ду Чэнъин протянул руку, перехватил ладонь Линь Ци, соскользнувшую в ямочку на пояснице, и, палец за пальцем поглаживая её, крепко переплел их пальцы. Другой рукой он с нежностью гладил длинные волосы шисюна и глубоко выдохнул.

Он... овладел своим шисюном.

Сложный аромат, витавший в воздухе, сокрытый рядом с ним человек со следами недавней страсти и саднящие царапины у него на спине — всё это красноречиво подтверждало свершившийся факт.

И всё же Ду Чэнъин казалось, будто происходящее ему снится.

События прошлой ночи вновь и вновь всплывали в его памяти: шисюн в красных свадебных одеждах... Ду Чэнъин поднял руку и потер переносицу. Подумать только: в самый момент близости он ни о чём таком не задумывался, но стоило предаться воспоминаниям, как шисюн начинал казаться до безумия соблазнительным.

Поистине прекрасен, словно сон.

Проснувшись, Линь Ци обнаружил, что ниже шеи его тело практически не двигалось. Оно

ныло, было слабым и ватным, словно вымоченное в вине. Боль на самом деле ощущалась слабее всего, куда сильнее было чувство странности — казалось, будто внутри застрял какой-то посторонний предмет. Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Линь Ци густо покраснел и поспешно зажмурился, пытаясь убежать от реальности.

А-а-а-а! Какое проклятие наложили на него эти цзяожэни?! С чего бы ему вести себя с Ду Чэнъином столь... столь распутно?

— Шисюн проснулся? — раздался мягкий, низкий голос. Линь Ци вспыхнул от макушки до пят, но упрямо зажмурился и притворился мёртвым — он был еще не готов встретиться с Ду Чэнъином лицом к лицу.

Ду Чэнъин тронул пальцем дрожащие ресницы Линь Ци. Уголки его губ тронула улыбка, но в голосе слышалась сдержанная печаль:

— Неужели шисюн и впрямь пожалел об этом?

Линь Ци торопливо распахнул глаза и, столкнувшись с веселым взглядом Ду Чэнъина, понял, что вновь попался на удочку. Густо покраснев, он сбивчиво пробормотал:

— Ничего подобного!

Он сделал свой выбор еще давным-давно, а раз уж решился отдаться целиком, то и сожалеть не собирался. Просто всё произошло слишком неожиданно — настолько неожиданно и всеобъемлюще.

Даже он сам не ожидал, что эта ночь окажется безумной до такой степени.

Лунный свет, струившийся сквозь крышу, казалось, до сих пор покачивался перед глазами. Наверное, эту ночь он не забудет до конца своих дней.

— В первый раз... я плохо о тебе позаботился, шисюн, — мягко проведя ладонью по щеке Линь Ци, низким голосом произнес Ду Чэнъин. — В следующий раз я сделаю так, чтобы тебе было еще приятнее.

Линь Ци: «!!» А-а-а, он сейчас задымится и обратится в пар!

Если бы он сейчас мог двигаться, то непременно повернулся бы и зарылся лицом в одежду.

Его и впрямь поймел мужчина.

И поймел всю ночь напролёт.

В разгар сильнейшего смущения Линь Ци внезапно вспомнил о куда более важной проблеме и, наплевав на остатки стыдливости, встревоженно выпалил:

— Шилиди, а я часом не забеременею?!

Не ожидав от Линь Ци подобного вопроса, Ду Чэнъин и сам мгновенно покраснел до корней волос. Наклонившись ближе к уху Линь Ци, он тихо прошептал:

— А шисюн хочет ребенка?

Лицо Линь Ци так и кричало о категорическом отказе. Отдать ему своё тело и сердце было

более чем достаточно, но если завести еще и отпрыска, то что будет, если он однажды умрет? Неужели Ду Чэнъин останется растить малыша в одиночестве? В его воображении уже живо рисовалась картина: одинокий Ду Чэнъин уходит вдаль с ребенком на руках под трагическую фоновую музыку, вылитый несчастный главный герой из романов про мир совершенствующихся.

Заметив, что Линь Ци выглядит так, будто собирается расплакаться, Ду Чэнъин поцеловал его в уголок глаза и со смешком произнес:

— Нет, не забеременеешь.

Натянутая струна резко ослабла, и Линь Ци с облегчением выдохнул:

— Напугал до смерти.

Прошлой ночью душа самого Ду Чэнъина едва не покинула тело от страха, но теперь улыбка на его губах стала чуть мягче, и он ласково произнес:

— Шисюн, отдохни пару дней. О твоём быте я позабочусь сам, а если захочешь чего-нибудь — только скажи.

Лицо Линь Ци снова залилось краской.

— Я... я... это самое... — он бормотал невнятно, всё еще не осмеливаясь вымолвить и слова. Тогда Ду Чэнъин прижался ухом к его губам, и лишь после этого Линь Ци с грехом пополам закончил фразу, а затем снова плотно сжал рот и отвернулся, не смея глядеть на Ду Чэнъина.

Странно: они ведь только что разделили самую глубокую интимную близость, но теперь стыдиться почему-то стали ещё сильнее.

Выслушав его, Ду Чэнъин улыбнулся:

— Не переживай, шисюн. Когда ты заснул, я всё тщательно вымыл, внутри ничего не осталось.

— Тебе обязательно описывать это так подробно? — глухим голосом возмутился Линь Ци.

— Ладно, — уголки губ Ду Чэнъина снова поползли вверх. — Значит, ничего не осталось.

Линь Ци досадливо скосил на него глаза, но слова упрёка застряли в горле, стоило ему увидеть улыбку Ду Чэнъина. Ему казалось, будто он никогда прежде не замечал, насколько ослепительно и красиво лицо Ду Чэнъина — того и гляди, весь мир потеряет рассудок. Глядя на него, Линь Ци даже засмотрелся.

До чего же хорош собой Ду Чэнъин! Среди бесчисленных красавцев мира совершенствующихся он выделялся столь ярко, что его вполне можно было назвать небожителем.

Чем дольше Линь Ци смотрел, тем сильнее очаровывался. Он легко сглотнул, чувствуя, что во рту снова пересохло.

Ду Чэнъин в ответ лишь улыбался. Если бы появилась такая возможность, он мог бы смотреть на Линь Ци до скончания веков, не совершая никаких действий и не думая ни о чём другом: сколь ни велик этот мир, в его глазах существовал лишь один-единственный возлюбленный.

Пристально вглядываясь в Ду Чэнъина, Линь Ци с отчаянием подумал: пропал, он определенно

стал падок на красивую внешность.

— Хочешь еще поспать или проголодался? — голос Ду Чэнъина звучал так мягко, что казалось, будто он вот-вот растает.

Не отрывая от него глаз, Линь Ци тихо ответил:

— Спать не хочу, и не голоден.

Ему хотелось просто посидеть вот так, в тишине, рядом с Ду Чэнъином.

Словно прочитав мысли Линь Ци, Ду Чэнъин мягко произнес:

— Тогда я побуду с шисюном?

<http://bllate.org/book/22177/2310704>